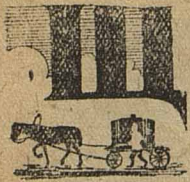

Писатель-врач палаты обреченных

Шедрин умер в 1889 году, в глухую пору общественной реакции, когда только марксистские взгляды мог различить брезжущий рассвет нового периода, связанного с рабочим движением. Буржуазная интеллигенция осыпала могилу Щедрина той

либеральной пошлой словесностью, над которой покойный так зло издевался. Никто не расслышал тогда и не мог расслышать удивительных слов, которые сказал в частном письме молодой, только входивший в «большую» литературу писатель, еще не расставшийся с веселым псевдонимом — Антоша Чехонте. А он написал: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, изможденном душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем свое го самого упрямого и назойливого врага. Обличать умест каждый газетчик... но открыто презирать умел один только Салтыков».

Сволочный дух! — Это сказано сильно и совсем по-щедрински. Ясно — Чехов не только читал Щедрина, но и понимал его. Сопоставление этих имен кажется странным: что же общего между злым, суровым, колючим Щедриным и мягким снисходительным Чеховым? Но разве всем известные, насыщенные глубоким сатирическим содержанием образы человека в футляре, унтера Пришибеева, Душечки не продолжают галереи щедринских типов, хотя бы и в особой, своей собственной чеховской манере?

Нет необходимости перебирать отдельные чеховские образы. Если вызвать их всех по очереди, по именам из рассказов и повестей — врачей, чиновников, и инженеров, либеральных помещиков, писателей, журналистов, офицеров, актеров, адвокатов, то пройдет перед нами, словно на параде вся армия буржуазной интеллигенции, вся дореволюционная Россия в верхней своей, интеллигентской прослойке, и если и есть среди них такие, которые свободны сами от «сволочного» духа, то все равно они погибают душевно среди всеобщей этой атмосферы мелкого душевного мошенничества. Большинство поражено «сволочностью», меньшинство страдает дрянным бессилием.

А. П. Чехов в своем саду в Мелихово.

И если в произведениях Щедрина проходит перед нами Россия 60—80 годов, и незаменимым источником служат они для изучения в лицах и образах эпохи разлагающегося крепостнического общества и нарождающегося капиталистического, то в рассказах и пьесах Чехова — драгоценный источник для знакомства со всей в сущности дореволюционной порой, в особенности же с 90-ми годами. Капитализм переживал полосу своего расцвета, и буржуазная интеллигенция прятала «сволочный дух» под пышными словами о культурном своем призвании.

Корни позднейшего контрреволюционного саботажа буржуазной интеллигенции, вредительства некоторой ее части, упорного сопротивления пролетарской революции можно проследить по произведениям Чехова, как по материалам предварительного следствия. И тут же можно найти не мало таких работников науки и культуры, которые честно и самоотверженно служили своему делу, но в обстановке «сволочной» эпохи были обречены на одиночество, на бессилие, нередко на гибель. Достаточно вспомнить старого профессора академика, из «Скучной истории» и для полноты картины сопоставить с этим замечательным чеховским образом недавнюю речь академика Баха на московском областном съезде советов.

Пожалуй наиболее дрянная, наиболее жалкая фигура в чеховской коллекции — это Лаевский из «Дуэли». Своим дрянным бессилием, своей либеральной болтовней на возвышенные темы он вызывает гадливое чувство у зоолога и будущего исследователя Арктики — фон-Корена. Фон-Корен говорит даже, что Лаевских надо уничтожить. Добродушный доктор Самойленко спрашивает в ужасе:

— Скажи мне, если бы того... положим, государство или общество поручило бы тебе уничтожить его, ты бы... решился?

— Рука бы не дрогнула, отвечает фон-Корен.

Он, действительно, пытается расстрелять Лаевского, вызывая его на дуэль. Это совсем не «по-чеховски». И, конечно, фон-Корен, — это неудачная копия Базарова в 90-х годах, — глубоко несимпатичен Чехову. Однако сам Чехов систематически уничтожает своих интеллигентов, и ни у кого из русских писателей (разве у Достоевского) не гремят так часто револьверы. В «Чайке» Треплев стреляет дважды и убивает себя. Иванов, как и Треплев, заканчивает пьесу самоубийством. Дядя Ваня стреляет в профессора. Барона Тузенбаха убивает офицер. («Три сестры»). Фон-Корен стреляется с Лаевским... И это совсем не случайно. В сущности, и у тех, кто не стреляется, положение такое, что надо бы кончать с собой. Что такое по Чехову, жизнь бедной Сони из «Дяди Вани», или трех сестер, как не замена высшей меры наказания пожизненным заключением.

Нет выхода у дореволюционной буржуазной интеллигенции. Она обречена. И ласковый, милый, нежный писатель Чехов ходит среди этих обреченных, и как врач ставит неумолимый диагноз: смерть. И не только буржуазная интеллигенция заражена смертельным недугом, а и все буржуазное общество. Писатель Чехов так и говорит о нем словами врача, в терминах и в стиле «истории болезни»:

— «Он, как медик, правильно судивший о хронических страданиях, коренная причина которых была непонятна и неизлечима, и на фабрике, смотрел, как на недоразумение, причина которого была тоже неясна и неустранима, и все улучшения в жизни фабричных он не считал лишними, но приравнивал их к лечению неизлечимых болезней». («Случай из практики»).

Диагноз поставлен правильно: капитализм

неизлечим. Это писатель Чехов создавал совершенно отчетливо, и по этому он так ясно видел признаки смерти на лицах своих героев и так спокойно посылал их на смерть. А в чем причина болезни буржуазного общества и, как уничтожить самую болезнь, этого писатель-врач не знал. Он не верил ни в какие либеральные рецепты, относился к ним с насмешкой, и это одно ставило его много выше всех современных ему писателей.

Чехов был врачом. Это не просто справка из биографии его, не случайное и, в сущности, постороннее литературное обстоятельство. Чехов получил и усвоил медицинское образование, которое стало для него научным мировоззрением. К людям и явлениям буржуазного общества он подходил как к больным. Отсюда его ясность, трезвость, его материализм.

Но это был, конечно, материализм человека, получившего только естественно-научное образование, материализм буржуазного врача. С этим связаны были обычные недостатки механического буржуазного мировоззрения. В молодости своей выросший в обстановке политической реакции и кризиса прежнего народнического революционного мировоззрения, Чехов на всю свою жизнь сохранил скептическое отношение к общественным теориям. Он видел ясно, что «сволочный дух» буржуазной интеллигенции и всего буржуазного общества — это и результат и симптом неизлечимой общественной болезни. Но причина ему оставалась неясна и средств борьбы с этой «болезнью» он не знал. Он враждебно относился к либеральному знахарству, но скептически относился и к марксизму. В рабочем движении он не рассмотрел новой силы. В крестьянах видел только сплошную темную массу.

Он предчувствовал революцию, но и к ней относился сдержанно, как врач, который ничего не может сказать о явлении, если не видел его, не прощупал своей рукой. Скептицизм человека, который почти всю свою жизнь провел в «сволочной» среде, боролся с радостной надеждой, что наступает нечто совсем новое. Максим Горький в своем лице воплощал для Чехова эту, где-то за горизонтом назревающую революцию. Чехов любил Горького, — но и был какой-то холодок в их отношениях. Писатель-скептик дружелюбно, но недоверчиво относился к писателю-энтузиасту.

Именно потому, что Чехов не знал, в чем причина смертельной болезни буржуазного общества, и не верил, что можно бороться с этим обществом, не видел никаких общественных сил для этого, — он не любил борьбы. В нем было достаточно личного мужества для протеста против удушающей атмосферы царизма, и его отказ от звания академика после того, как приказом царя был исключен из Академии наук А. М. Горький, был политическим выступлением. Его политические симпатии были с буржуазной демократией, но в борьбе партий он занимал позицию «в стороне от схватки». Это была позиция врача, а не борца.

Когда он заставлял своих героев говорить, что жизнь «через двести лет» будет прекрасна, то была в этом его добродушная ирония.

(Окончание см. на следующей странице).

ОБЛИЧИТЕЛЬ ПОШЛОСТИ И МЕЩАНСТВА

Чехов — величайший писатель — реалист. Лев Толстой называл его «Пушкиным в прозе». Как художник, Чехов занимает среди русских классиков одно из первых мест. Чехов не только литературное, историческое (познание эпохи), но и боевое культурно-политическое значение. В этом секрет нашего внимания к писателю.

Чехов — по содержанию и направленности своего творчества, имеет для дела культурной революции, воспитания нового человека, — в деле борьбы с современным мещанством, исключительное значение.

Только теперь, когда мы окончательно очищаемся от грязи, пошлости и рабства, того самого мещанства, которое являлось главным «героем» чеховских произведений, нами будет оценена всесторонне и понята до конца, вся глубина, все особенное его литературного наследия.

Чехов узнавал мещанина и пошляка, в какой бы форме и личине он не представлялся и находил его везде, в какой бы уголке он не забился.

Своим творчеством, как огромным проектором, писатель осветил нам старую Россию, показал не парадную ее сторону, не фасад, а подвалы, углы и закоулки. Он показал уродливую массу людей, искалеченных и изуродованных, до потери человеческого облика, общественным строем, людей о которых Глеб Успенский сказал: «так, не люди, а гнилое грибное».

Как писатель-реалист Чехов нарисовал чудовищно-жуткую картину разложения и задушенности человека удушливой эпохой восьмидесятых годов, и на этом, потрясающе ярко и глубоко вскрыл и обнажил явны и противоречия старого строя, и объективно указал на неизбежность его гибели.

Чехов — писатель глубоко идейный. Правда, он не имел четких и законченных общественных взглядов и политических воззрений, но несмотря на это не мирился с уродствами своего времени и своими чеховскими средствами — юмором и лирикой — бунтовал против своей эпохи, страстно стремился сам и звал других к будущему, вери в счастье последующих поколений.

Чехов честно служил будущему, иными словами нашему сегодняшнему и завтрашнему дню. В этом благородном порыве служения будущему, — трудиться для счастья грядущих поколений — весь Чехов. Будущее было его «политическим» критерием и идеалом, помноженное на принципы морали, оно явилось для писателя путеводной звездой в творчестве, не давая ему сбиться вправо, сойти с занятой дороги писателя-реалиста, или спуститься в болото мещанства.

Пусть это будущее Чехов представлял туманно и неопределенно, все же оно явилось достаточной гарантией для того, что

бы сделать его творчество целеустремленным и направленным.

Даже его ранние произведения — эпоха «Антоши Чехонте» — были осмыслены, имели определенную цель и били в заранее намеченную точку.

Грустил ли Чехов? Да, он грустил. Грусть и лирика отличительные особенности его творчества. Да и как ему — чуждому и умному писателю, любящему человека — было не грустить, когда вокруг была мертвая, серая, уныло-тоскливая картина годов «безвременья».

Рожденная неприглядной картиной окружающей жизни, то, однако, не была грусть убивающая веру в человека, нет Чехов глубоко верил в человека, особенно в человека будущего. Сочетание этой мужественной веры в счастье человечества с ноткой грусти и лиризма и наделяют чеховские произведения неуязвимой прелестью и теплотой.

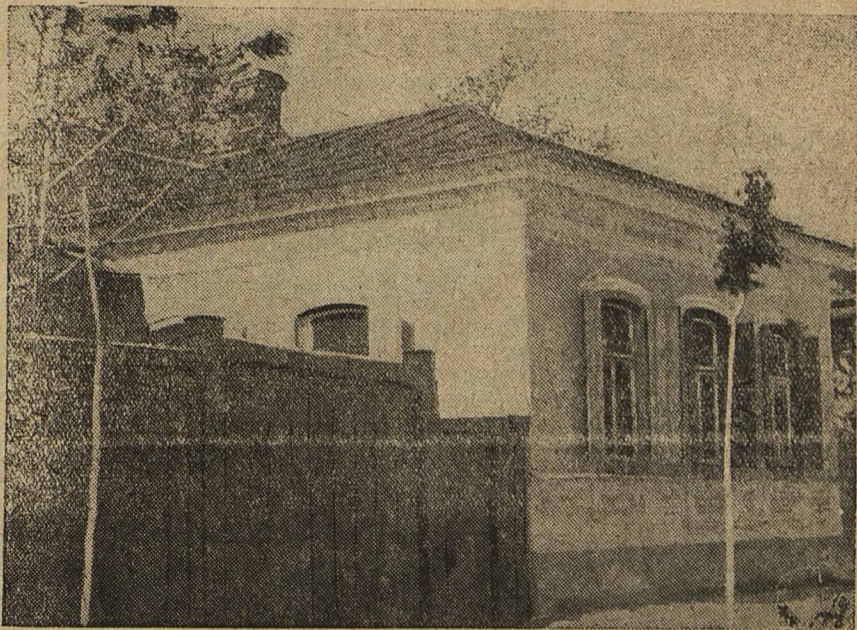
Чеховская грусть не была грустью перерастающей в тоску, ведущей к утере перспективы; эта грусть не была пессимизмом, рождающим отчаяние, ослабление воли, разложение характера, утрату вкуса к жизни.

Чехов был далек от марксизма и диалектического материализма, поэтому, он не мог понять, что в восьмидесятых и девяностых годах рождалась новая историческая сила — революционный пролетариат и его партия.

Не понимая этого, он тем не менее, не был пессимистом и нытиком, от этого его спасла вера в прогресс и будущее человечества. Чехов чувствовал, особенно в девяностых годах, что приход этого будущего близок. Это сам Чехов устами Саши, в рассказе «Невеста», написанном в 1903 году говорил: «все полетит вверх лбом, все изменится точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудеснейшие сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... И в другом месте рассказа, уже Надя заявляет: «О, если бы скорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознать себя правым, быть веселым, свободным. А такая жизнь рано или поздно настанет».

У нас любят цитировать слова Чехова о приходе этой новой жизни через 300—400—1000 лет. Но почему то забывают, что незадолго до смерти, Чехов значительно сократил этот срок. В рассказе «Случай из практики» доктор Королев «думал о том времени, быть может уже близком, когда жизнь будет такою же светлой и радостною, как это тихое восхитительное утро». В другом месте Королев говорит: «а для наших детей и внуков вопрос этот, правы они или нет, будет уже решен. Им будет виднее, чем нам. Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, что мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть».

Чехов, как писатель беспрерывно развивался. Чем ближе к грозным дням 1905 года, тем сильнее проявляются у него нотки протеста, страстнее и взволнованнее его порыв и призыв к будущему. Его герои начинают двигаться, протесто-

Домик, в котором жил Антон Павлович перед отъездом из Таганрога.

вать, ломать жизнь, стремиться на свежий воздух.

Чехов чувствовал в этом воздухе грозу и не остался равнодушен. Его смех звучит бодрее, голос громче, добродушная жалость к мещанину сменяется ненавистью, юмористический смех нередко перерастает в сатиру; сам Чехов заволновался, почувствовал явную недостаточность своих методов достижения счастья человечества и мучительно начал искать настоящего выхода из тупика.

Смерть помешала Чехову найти этот выход, однако, несомненно, что Чехов направился в нашу сторону.

Чехов не был также мистиком, как не был он пессимистом. Как от пессимизма его спасла честность, вера в будущее так от мистицизма его спас естественно — научный материализм. Это не диалектический материализм, но это, все же материализм достаточный для того, чтобы спасти писателя от увлечения модной тогда «теорией», «чистого искусства», мистических туманов и прочей шелухи.

Все это также спасло Чехова и от повторения судьбы Надсона и Гаршина, честных, благородных, но бесхребетных людей, задохнувшихся в атмосфере восьмидесятых годов.

Чехов жил в самую мрачную полосу русской истории, о которой можно сказать словами Щедрина: «были времена хуже, но не было подлей».

Мы живем в самую светлую полосу этой истории, и воспринимая Чехова глазами строителя социализма, мы не можем не видеть, что кое-что в его творчестве устарело, являясь лишь историческим материалом для изучения прошлого.

Но в основном Чехов не только не устарел,

но и по настоящему «вазвучал» лишь в наше время.

Многие, очень многие персонажи Чехова живы еще и по сей день. Как писатель, основная тема которого — мещанство, Чехов может сыграть в этой борьбе великую роль. Писатель, который подлеца узнает по цвету его мошеннической кожи, а дурака по голосу и смеху. Чехов имеет у нас стало-быть, не только художественно-академическое значение.

Мы обязаны воскресить, восстановить Чехова настоящего, бодрого, смеющегося, отрицательного, бичующего, стремящегося в будущее. Мы должны снять с Чехова толстый покров критического и теоретического грима, до неузнаваемости извративший его облик, как писателя.

Для нас Чехов важен, однако, не только, как писатель, но и как человек. Его биография есть упорная и беспрерывная борьба с самим собой. Это была борьба с внутренним рабом, которого «выдавливал из себя по капле» Чехов, пока не выпрямился, не вырос в человека, в настоящем смысле этого слова. Он не опустился в болото рутинности, не дал победить себя отвратительной «болезни» эпохи — пошлости, он сам победил эпоху, он шел впереди нее. В жестокой и смертной схватке с жизнью Чехов вышел победителем.

В этой борьбе важную роль играл напряженный «дневной и ночной труд», воля, упрямство, проявленные Чеховым.

В этом смысле чеховская биография поучительная для нашей молодежи и не только для нее.

Это был большой и честный писатель и память этого писателя мы глубоко чтим.

Писатель—врач палаты обреченных

(ОКОНЧАНИЕ).

не было злой насмешки. Чехов верил, что настанет время, когда жизнь будет прекрасной. Он не случайно указывал сроки, которые, по его мнению, выходили далеко за пределы буржуазной демократии. «Через двести лет» — это значило: совсем в других общественных условиях, и в рассказе «Случай из практики» он даже уточнил общий характер этих условий: когда исчезнет капитализм. Культура в обширном смысле этого слова, как уничтожение всякой грязи, темноты, сволочного духа в отношениях, была его идеалом. Этому идеалу не хватало действительности, потому что не было действительности в натуре Чехова и не случайно он всех своих действительных героев наделял чертами отрицательными и делал их несимпатичными. Таков доктор Львов в «Иванове», таков фон-Корен в «Дуэли». Это непременно жесткие, ограниченные и самодовольные люди. Тип нового действительного чело-

века, тип революционера не давался Чехову. Студента в «Вишневом саду» он сделал чудачком и фигурой комической. Революционное рабочее движение делалось заметным явлением в русской общественности. Появились первые большевики — люди замечательные, выдающейся силы, оригинального ума. Чехов их не заметил. Так врач не замечает здоровых людей.

Принял ли бы Чехов пролетарскую революцию? Вопрос этот не праздный. Чехов ведь не случайно остается одним из наиболее любимых писателей советской страны. И то, чего он не договорил сам, досказали за него писатели, родственные ему по всему своему писательскому складу, его братья по любви к большой культуре, не вмещающейся в рамки буржуазного общества. Чехов стоит в одном ряду с Анатолем Франсом, с Ромэн Ролланом, у них есть общие черты, и у нас нет никаких

оснований думать, что к пролетарской революции, открывшей путь всему человечеству к новой великой культуре, Чехов отнесся бы иначе, чем Анатолий Франс и Ромэн Роллан. Можно сказать с уверенностью, что Чехов не оказался бы с теми, кто сволочной дух свой не может прикрыть уже никакими «демократическими» фразами.

А Чехов не только любимый, но и необходимый писатель в советской стране. Конечно, не все его произведения сохранили и свежесть красок и близость новому читателю. Нет нужды лакировать его литературный облик и из писателя, жалевшего обреченных и смотревшего на них с мягкой улыбкой, делать злого сатирика и борца. Но чудесный язык Чехова, его замечательное мастерство, его превосходный юмор — это богатейшее достояние в классическом наследстве, полученном пролетариатом.